

И я влил каплю
в алюю

волну.

Пора была весенняя, хмельная...
Раскинул прокламаций не одну,
Радея о тебе, страна родная.
Казацкая нагайка полосу
мне тоже не единожды врезала.
О, Родина, когда мне будет суд,
Прости, что для тебя я сделал мало.

Сделать много он не успел: 15 мая 1924 года Александр Васильевич внезапно умер от воспаления мозга. Есенин провожал своего друга в последний путь.

Через несколько дней он написал для «Красной нивы» одну из самых безупречных жемчужин своей поэзии – стихотворение на смерть Ширияевца «Мы теперь уходим понемногу...»

Самым страшным преступлением Есенин считал неуважение к хорошему человеку. К сердцу живого или к памяти мёртвого. Вошедший в комиссию по литературному наследию Ширияевца, он был потрясён тем, что могила его друга заброшена. Накануне своего рокового отъезда в Ленинград Есенин, повышая голос до крика, жаловался Евгению Соколу:

«Разве можно так относиться к поэту и к большому и истинному мозгу?! Вы посмотрели бы, что сделали с могилой Ширияевца. Нет её!.. Я поехал туда и плакал там навзрыд, как маленький, плакал. Ведь все там лежать будем – около Неверова и Ширияевца...» (Евгений Сокол. Одна ночь. Сборник «Памяти Есенина», стр. 63–64). Разговор этот происходил в доме Герцена в ночь с 22 на 23 декабря 1925 года. Через четыре дня Есенина не стало...

В Москве в музее Маяковского я познакомился с одним из редакторов пятитомника Есенина – Владимиром Фёдоровичем Земсковым. Человек исключительного таланта и эрудиции, ведущий переписку с Рокуэллом Кентом, Давидом Бурлюком, изучающий жизнь и творчество Ширияевца, он, разумеется, заинтересовался Барышской находкой. Между прочим, он считает Ширияевца интересным и несправедливо забытым поэтом и готовит работу для того, чтобы довести стихи этого автора до массового читателя. В пятитомник письма попасть не успели. Они будут обнародованы в сборнике о Есенине, подготовленном к печати Институтом мировой литературы. В сборник также войдут есенинские письма к Мурашеву и другим современникам.

Эпистолярное наследие Есенина сохранилось очень плохо – литературоведам известно всего около 200 записок и писем поэта.

И барышская находка имеет несомненную ценность хотя бы потому, что она добавляет ещё одну светлую чёрточку к облику большого поэта Сергея Александровича Есенина.

Самый недолговечный букет – ранневесенний. И всё-таки я благополучно донёс несколько подмо-

сковных подснежников до надгробий Есенина и Ширияевца (они похоронены рядом на Ваганьковском кладбище). Лепестки у подснежников были прозрачные и синие, в прожилках, по которым, казалось, пульсирует живая кровь.

У надгробия молодые люди вполголоса, раздумно, читали есенинские стихи, вешние, как утренняя косьба. Кто-то сказал негромко и твёрдо:

– Подонок Пеньковский хотел здесь устроить шпионский тайник. За одно это он заслужил самого сурового наказания...

А рядом тянулась к солнцу, светясь, как апрельская снежница, тонкая берёзка, та самая, что встречает нас на родных раздольях и в незакатных есенинских стихах.

С. Рогов, наш спец. корр.

Барыш – Куйбышев – Москва – Ульяновск. 1963 г.

Комментарий Андрея Романовского

На этом история есенинских писем к Ширияевцу не кончается.

В конце 1963 года в газету «Ульяновский комсомолец» приходит письмо от В. Земскова, в котором тот пишет, что «есть договорённость с зам. редактора журнала «Новый мир» Дементьевым: о барышской находке будет рассказано на страницах этого журнала». «С. Рогов» говорит об этом в статье «5000 писем «Ульяновского комсомольца», или Чёртик с острова Пасхи»².

Однако этого не произошло.

А в августе 1964 года отца вызывают в Москву – на работу в должности ответственного секретаря редакции журнала «Сельская молодёжь». К нашей теме относится следующий фрагмент из дневниковой записи, сделанной С. Романовским 11 октября 1964 года:

«...Сегодня был в музее Маяковского, слушал его певуче-классический голос. В космос или в солдатский вещмешок я бы не взял ни томика, ни куплета ни одного из живущих поэтов (они все всё-таки жидкохребетны рядом с ним). Все машут после драки кулаками. А Маяковского взял бы.

Читал книгу отзывов – всё больше наивные школьники, учителя, режиссеры, инженеры. Нет литераторов, журналистов. Да вообще в музее людей почти нет. Записи наивные, но искренние предельно.

Подпись: «Земсков, учёный». Неужели Алек[сей] [память подвела; Владимир. – А.Р.] Фед[орович]? Тот самый, кому я подарил есенинские письма? Они почему-то мне жгли руки. А он расписывается – «учёный».

Жучок?

Если он, конечно...»

Откуда такая резкость?

О есенинских письмах к Ширияевцу я, сколько себя помню, слышал в семье всего несколько раз.

Слова отца о том, что некогда у него в руках оказались письма Есенина, всякий раз сопровождалось ироническими взглядами его жены – моей матери – Галины Александровны и её замечаниями относительно крайней доверчивости и наивности Станислава Тимофеевича, не сумевшего предугадать судьбу переданных им есенинских материа-

лов. Вопреки надеждам и ожиданиям отца они так и не стали государственным достоянием.

Отец, махнув рукой, тут же обрывал с виноватым видом разговор о есенинских письмах.

О дальнейшей судьбе бесценных этих документов после того, как они побывали в руках отца, я узнал уже после его смерти...

Литературовед Юрий Борисович Юшкин в статье «Рукописи не горят. Трагическая судьба писем Есенина к Ширияевцу» (малотиражная газета «Московский литератор», №2, январь 1999 года) прямо говорит о том, кто скрывался за псевдонимом «С. Рогов», с тем чтобы продолжить «почти детективную историю», «начало которой положил в 1963 году очерк писателя Станислава Романовского». Сделать это, как полагал автор статьи, было необходимо в связи с завершением работы над томом писем академического собрания сочинений великого поэта России.

Ю.Б. Юшкин был знаком с моим отцом – познакомились они «на почве Есенина», – и вот что, в частности, говорится об этом в статье из «Московского литератора»:

«...О находке в Куйбышеве есенинских эпистолярных реликвий рассказал Станислав Романовский (он был тогда главным редактором газеты «Ульяновский комсомолец» и напечатал своё расследование «Тайна писем Есенина» под псевдонимом «Рогов»). В его очерке и были впервые опубликованы три есенинских письма А. Ширияевцу, и в том числе и то, что С. Ларин отослал «первому поэту страны» [А.Т. Твардовскому – А.Р.]... Тогда хотелось [...] быстрее обнародовать строки есенинских писем, а опыта работы с документами, требующими тщательной научной подготовки, не было**».

Станислав Романовский говорил мне, что, работая над очерком, он и не ставил себе целью дать сколько-нибудь всесторонний анализ впервые публикуемых есенинских писем... Хотелось просто сказать: «Вот они – новые есенинские реликвии [...]». И для этого «просто сказать» ему пришлось проделать громадную работу...»

А дальше происходит вот что:

«В том же 1963 году, до публикации очерка, С.Т. Романовскому пришлось побывать в командировке в Москве. Здесь он встретился с литературоведом В.Ф. Земсковым, которому поведал об уцелевших автографах Сергея Есенина и других реликвиях из старинного сундука. А 26 октября 1963 года Станислав Тимофеевич отправил В. Земскову в письме вместе с вырезками из шести номеров «Ульяновского комсомольца» с публикациями очерков «Тайна писем Есенина» и автографы двух уцелевших писем поэта, сопроводив их словами: «Наконец-то высылаю Есенинско-Ширияевское досье... Думаю, это очень ценные литературные документы и вы, тактичный и мудрый москвич, сумеете ими распорядиться наиболее приятным образом».

Увы, до того или иного государственного архива или музейного собрания эти письма, как это предполагал мой отец, не дошли, о чём Ю.Б. Юшкин повествует следующее:

«В. Земсков без ссылок на первую публикацию, но с указанием, что автографы находятся в его собрании [разрядка моя. – А.Р.], цитировал оба письма в своих статьях «Письма в Ташкент. (Ещё несколько крупниц к биографии С. Есенина)» («Звезда Востока», 1966, №6) и «Александр Ширияевец, друг Есенина» («Волга», 1973, №8)».

Уточню: В. Земсков процитировал не два, а три письма, опубликованные С. Романовским.

«В конце 60-х годов, – продолжает Ю.Б. Юшкин, – Владимир Фёдорович, зная о том, что я собираю есенинские материалы, однажды при встрече предлагал мне купить у него есенинский автограф (не уточняя, какой именно). Но я был тогда студентом, и мои финансы не позволяли такую роскошь.

Уже после смерти В.Ф. Земскова его вдова Г.М. Малахова любезно предложила мне сделать ксерокопии двух писем Есенина, присланных покойному литературоведу С.Т. Романовским. Экземпляры этих ксерокопий были тогда же переданы мной в Государственный архив литературы и искусства (тогда ЦГАЛИ). Когда же я встречался с Г.М. Малаховой, то я и не предполагал, что она готова расстаться с есенинскими реликвиями. Но... В один из приездов в Ленинград я, как обычно, зашёл к известному питерскому собирателю М.С. Лесману. Он познакомил меня со своими последними приобретениями. Среди них оказались и те два есенинских письма, которые ещё недавно, в Москве, я держал в своих руках. Как мне сказал М.С. Лесман [...], они были куплены у вдовы В.Ф. Земскова всего за 200 рублей».

Иными словами, «тактичный и мудрый москвич» В.Ф. Земсков распорядился ценными литературными материалами не многим лучше, чем провинциал Суслин, обвиненный в присвоении есенинских писем.

Ю.Б. Юшкин заканчивает свою статью так:

«Ныне три письма, что «из личного архива Суслина», хранятся в литературном отделе Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина, а два письма С. Есенина, попавшие в коллекцию М.С. Лесмана, находятся в Пушкинском доме (ИРЛИ) в Санкт-Петербурге.

На этом месте можно и поставит точку в почти детективной истории в письмах о... письмах.

Пока».

Прежде чем я поставлю свою точку в этой истории, скажу несколько слов о собрании сочинений Есенина в шести томах. В шестом томе этого собрания (1980) были опубликованы пять из шести известных к тому времени писем поэта к Ширияевцу. О первой публикации двух из них моим отцом составитель и комментатор этого тома В.А. Вдовин не знал, так как письма, появившиеся в «Ульяновском комсомольце» семнадцать лет назад, он отнёс к публикуемым впервые.

А редакторы «Полного собрания сочинений Сергея Есенина» в семи томах (1995–2001), публикуя письма Есенина к Ширияевцу, ссылаются в комментариях в том числе и на очерк «С. Рогова». Но при этом речь идёт только о двух письмах (под номерами 81 и 85) и ничего не говорится о том, что и третье письмо поэта к Ширияевцу (под номером 96)

впервые было обнародовано «С. Роговым». Подготовка этого академического издания продолжалась несколько лет, шестой том, «Письма», куда вошли и письма, впервые полностью опубликованные моим отцом, вышел в свет в 1999 году. В числе же тех, кто готовил этот том к выпуску, оказывая помощь составителю в работе над ним, был и Ю.Б. Юшкин, человек, прекрасно знавший, кто такой «С. Рогов» и какова его роль в обнародовании неизвестных есенинских писем.

Что касается печатной программы литературного вечера 25 октября 1915 года с припиской Есенина на оборотной стороне, описанной и опубликованной С. Романовским, то она, также переданная В. Земскову, была опубликована последним *без приписки* в саратовском журнале «Волга» (1973, №8, стр. 188). Публикатор отметил, что оригинал программы *находится в его собственности*. В настоящее время программа считается утраченной. «Теперешнее местонахождение этого экземпляра неизвестно. По свидетельству С. Рогова, на ней была помета рукой Есенина, адресованная А. Ширяевцу... (газета «Ульяновский комсомолец», 1963, 28 июня, №77)***.

Точку в этой истории, как мы видим, ставить ещё рано.

Мне кажется, что очерк «Тайна писем Есенина» – одна из лучших работ С.Т. Романовского-журналиста.

*Рогов С. «5000 писем «Ульяновского комсомольца», или Чёртик с острова Пасхи // Ульяновский комсомолец. – 1964. – 1 января. №1–2. – С.7.

**При публикации С. Романовским трёх писем Сергея Есенина было дано точное факсимиле первого письма. При наборе второго и третьего писем возникли мелкие опечатки, не исказившие ни их смысл, ни их стиль.

***Есенин С.А. Полное собрание сочинений. В 7 томах. Т.7. Кн. 2. – Москва: «Наука» – «Голос», 2000. – С. 571. См. также. Т.7. Кн. 3. Раздел «Утраченное и ненайденное». – Москва: «Наука», 2001. С. 35.

Почему же всё-таки мой отец до конца дней своих в 1996 году так и не раскрыл публично своего псевдонима? Ведь, казалось бы, так соблазнительно было бы покрасоваться рядом с Есениным...

Мне думается, потому, что отцу не хотелось ворошить прошлое; было неловко и за себя, который оказался в этой истории обманутым в своих ожиданиях, что переданные им есенинские материалы попадут в «добрые руки государства», и за того человека, которому он, как выяснилось, столь опрометчиво доверился.

Что же касается бокса, ведь именно ему отцовский псевдоним обязан своим рождением...

Боксёрские поединки по ТВ отец смотрел с интересом.

По ходу объяснял, что такое «хук», «клинч» или «апперкот».

Случилось ли ему хоть раз применить на практике своё, какое уж оно у него было, «боксёрское мастерство»?

Вот как сказал об этом он сам – или его «лирический герой» – в рассказе «Осенняя ловля окуней»: «В юности я занимался боксом, но сейчас, с годами, ударить человека не смогу: жалко».

Хотя при случае он мог разнять уличную драку (действуя неожиданно властным голосом), человеком он был исключительно мирным, тактичным и деликатным.

